

Регентство Бирона

Русская историческая повесть первой половины XIX века / Сост., вступ. ст. и примеч. В. И. Коровина.- М.: Сов. Россия, 1989.

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

На адмиралтейском шпице пробило девять часов. Огни в окнах домов петербургских погасли, и столица затихла. Один однообразный шум осеннего дождя нарушал глубокую тишину. Изредка прохожий, завернувшись в плащ и озябшею рукою держа над собою промокший зонтик, спешил к дому и робко посматривал на Летний дворец. Там во всех окнах, на опущенных малиновых занавесах разлитое сияние свечей беспрерывно меркло от мелькавших теней; заметно было, что во дворце из комнаты в комнату ходили торопливо люди. Это было 17 октября 1740 года.

В слабо освещенной зале, находившейся подле спальни императрицы Анны Иоанновны, дежурный капитан Ханыков шепотом разговаривал с поручиком Аргамаковым. Они, как и все бывшие в зале вельможи и придворные, с беспокойным ожиданием по временам глядели на дверь спальни.

Вдруг дверь отворилась, и обер-гофмаршал граф Левенвольд медленно вышел в залу, склонив голову на грудь и закрыв лицо платком.

-- Все кончено! -- сказал он прерывающимся голосом.-- Императрица скончалась.

Слова его, как сильный электрический удар, в один и тот же миг потрясли всех присутствовавших. Многие плакали, другие крестились, третьи, побледнев, сложили руки и склонили к земле мрачные взоры.

Упавшую в обморок племянницу императрицы принцессу Анну Леопольдовну, супругу принца Брауншвейгского Антона Ульриха, тихо пронесли фрейлины через залу в ее комнаты. За нею следовал супруг ее.

Когда привели ее в чувство, она возвратилась в залу и, бросаясь в креслы, начала горько плакать. Напрасно принц, стоя позади кресел и наклонясь к супруге своей, старался ее утешить и умерить ее горечь.

Между тем в спальне слышно было рыдание, прерываемое громкими восклицаниями и жалобами. Это был голос герцога Курляндского Бирона, возведенного милостию умершей царицы из низкого состояния на такую степень почестей и могущества, какая только возможна для подданного. Долго рыдал он, стоя на коленях перед одром императрицы, и ломал в отчаянии руки. Подле него стоял генерал-прокурор князь Трубецкой. В одной руке держал князь какую-то бумагу, другою рукою по временам отирал слезы, наворачивавшиеся на глаза его.

-- Кто в зале? -- вдруг спросил герцог, продолжая рыдать.

Князь Трубецкой, подойдя к двери и выглянув в залу, приблизился опять к Бирону и назвал бывших в зале по именам.

-- Пойдем к ним! -- продолжал герцог, вставая.-- Не теряя времени, объявим последнюю волю императрицы.

Они вышли в залу, и Трубецкой начал читать бумагу, которую держал в руке. Все окружили его. Один лишь принц Брауншвейгский не отошел от кресел, в которых сидела его супруга.

Властолюбивому Бирону во время тяжелой и продолжительной болезни императрицы неотступными просьбами нетрудно было убедить ее подписать акт о назначении его правителем государства на время малолетства избранного ею в преемники Иоанна Антоновича, сына принца Брауншвейгского.

Когда Трубецкой дочитал акт до того места, где говорилось о назначении правителя, то Бирон, предугадывая, как это будет оскорбительно для принца Антона Ульриха и его супруги, родителей младенца императора, взглянул на первого испытующим взором и сказал:

-- Не желаете ли, ваше высочество, вместе с другими выслушать последнюю волю ее величества?